

УДК 331.101.3:94(47+57)«1927/1930»

"ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ" И ДИНАМИКА РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ РАБОЧИХ–ТЕКСТИЛЬЩИКОВ МОСКВЫ *

Л.И. Бородкин

Драматичные события в Советской России конца 1920-х гг. («великий перелом») имели целый ряд причин и последствий в политической, экономической, социальной сферах жизни общества. До сих пор не все из них изучены в должной степени. Один из социально-экономических аспектов «великого перелома», требующих конкретно-исторических исследований, связан с материальным положением рабочих, изменениями в их реальной заработной плате на рубеже 20–30-х гг. В данной работе рассматривается динамика реальной зарплаты московских рабочих-текстильщиков в 1927–1930 гг. Именно зимой 1927/28 г. разразился очередной кризис нэпа, подтолкнувший политику «социалистической индустриализации» и обозначивший приближение «великого перелома».

Как отмечает Ю.М. Голанд, напряженная обстановка, возникшая в стране летом 1927 г. под воздействием внешних и внутренних факторов, вызвала явное беспокойство среди населения. Возник ажиотажный спрос, обострился товарный голод как на продовольственные, так и на промышленные товары. Однако соответствующее этому спросу предложение не было найдено. Под влиянием слухов о приближающейся войне население бросилось закупать впрок продовольствие, в частности пшеничную муку¹. В III квартале 1927 г. дополнительная эмиссия составила значительную сумму – 208,6 млн. руб.² При этом рост денежной массы в обращении сопровождался сезонным уменьшением предложения товаров широкого потребления, что привело к дефициту таких товаров, как мануфактура, посуда, обувь. Рост инфляции в эти месяцы Ю.М. Голанд связывает также со значительным расширением капитального строительства в IV квартале, неэффективностью и удорожанием строительства³. В более общем плане можно говорить о результатах реализации идеи инфляционного финансирования роста промышленности.

К концу 1927 г. в стране заметно ухудшилась ситуация с продовольственным снабжением (во многом из-за снижения объема хлебозаготовок). Даже в Москве, которая имела приоритетное обеспечение, появился острый дефицит продуктов, увеличился разрыв цен на продукты частной и кооперативной торговли (так, пшеничная мука стоила в частной торговле в 3 раза дороже, масло и яйца – в 2 раза)⁴. «Народнохозяйственная катастрофа», как пишет Ю.П. Бокарев, началась в 1928 г., когда из-за неудачного хода сельскохозяйственных заготовок государство ввело чрезвычайные меры на хлебном рынке. К тем, кто, по мнению властей, не сдал всех хлебных излишков, была применена 107-я статья Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшая ответственность за спекуляцию⁵.

В этих условиях государство было вынуждено выпустить из рук контроль сначала за частноторговыми розничными ценами, а затем и за ценами кооперативной торговли. Так, в октябре 1928 г. Наркомторг СССР принял постановление "Об ограничении потоварного регулирования цен и накидок"; в январе 1929 г. регулирование цен на масло сохранилось лишь в 34 городах, на мясо и колбасу – лишь в 17, на яйца в 8 городах⁶. Это привело к новому витку инфляции.

Зимой 1928/29 гг. Политбюро приступило к оформлению всесоюзной карточной системы на хлеб; при этом вводились ограничения на кооперативную торговлю. В начале следующего, 1929/30 хозяйственного года появились элементы и всесоюзной карточной системы на основные продукты питания и непродовольственные товары. Диспропорции на потребительском рынке обострились постоянными денежными эмиссиями, с помощью которых Политбюро

---

* Работа ведется при поддержке гранта РГНФ (№02-01-12001в).

тщетно пыталось покрыть дефицит госбюджета⁷. Торговые дефициты, накопление денег населением и обесценивание денег имели тяжелые последствия для потребительского рынка. Даже в Москве государственное снабжение продовольствием и непродовольственными товарами было скудным; даже для промышленных рабочих крестьянский рынок превращался в "спасительный оазис", где можно было выменять или купить продукты (несмотря на очень высокие цены)⁸. В январе 1931 г. по решению Политбюро Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары. Этим обстоятельством в основном и объясняется временной диапазон рассмотрения динамики реальной зарплаты рабочих в данной работе: конец 1927 г. – конец 1930 г.

Прежде чем обратиться к данным, позволяющим оценить реальную зарплату рабочих, дадим краткую характеристику системы оплаты промышленного труда в Советской России периода нэпа.

Отправным пунктом в исследовании динамики и дифференциации зарплаты рабочих на госпредприятиях в годы нэпа является то обстоятельство, что оплата труда не зависела напрямую от соотношения спроса и предложения на рынке труда, а регулировалась государством, которое должно было, с одной стороны, реализовывать новые принципы социальной политики, а с другой стороны – обеспечивать эффективность производства. Регулирование зарплаты в промышленности проводилось при участии профсоюзных и хозяйственных органов, с учетом меняющейся экономической конъюнктуры и социальных процессов.

Основными инструментами регулирования размеров нормированной оплаты труда в годы нэпа были тарифная сетка, методы исчисления тарифной ставки, а также размеры самих ставок. А.Ф. Ревзин определял тарифную сетку как совокупность различных элементов, включающих установление характеристики всех профессий и специальностей; разбивку и группировку их по тарифным разрядам и установление тарифных коэффициентов, показывающих насколько профессии и специальности одного тарифного разряда должны оплачиваться больше профессий и специальностей другого тарифного разряда; он делал вывод, что тарифная сетка с её коэффициентами и есть тот основной инструмент, которым профсоюзы должны регулировать зарплату внутри предприятия⁹.

В условиях резко падающей валюты (1922–1923 гг.) и непрерывного роста цен возник вопрос о способе установления тарифной ставки в твердых единицах. В то время были опробованы несколько способов установления тарифной ставки. Это и приравнивание так называемого "пищевого рациона" к ставке определенного разряда; и подписание ежемесячных тарифных соглашений с установлением тарифных ставок в совзнаках. Поиски наиболее удобного способа исчисления зарплаты привели к тому, что была установлена общая единица, гарантирующая зарплату от постоянных колебаний рыночных отношений. Эта нормальная, как её называли, единица давала возможность сравнения настоящего уровня оплаты труда с довоенной зарплатой. В качестве такой единицы был установлен товарный рубль по бюджетному индексу статистики труда, исчисляемому по набору из 24-х продуктов (сельскохозяйственных и промышленных), взятых в тех же нормах, в каких они входили в бюджет рабочего¹⁰.

Переломным годом в области политики заработной платы был, безусловно, 1922 год. Переход промышленности на систему хозяйственного расчета создал материальные предпосылки, дающие возможность заключения хозяйственных договоров. Существенной частью коллективного договора являлся раздел, касающийся регулирования зарплаты. В 1922 г. была осуществлена программа перевода рабочих на сдельщину с сохранением твердых норм выработки.

В условиях непрерывного роста цен остро вставал вопрос; о способе установления тарифной ставки в твердых единицах. В качестве нормальной единицы был установлен товарный рубль по бюджетному индексу статистики труда, исчисляемому по набору из 24-х продуктов (сельскохозяйственных и промышленных). Но и здесь следует отметить два различных подхода. В соответствии с первым тарифная ставка устанавливалась в местных товарных рублях (стоимость бюджетного набора продуктов делилась на местную довоенную его стоимость). Второй подход основывался на расчетах в так называемых "условных московских рублях" (стоимость бюджетного набора продуктов делилась на 10).

Рассмотрим вопрос о динамике номинальной и реальной зарплаты рабочих в 1927–1930 гг., т.е. в течение трех лет, включающих год "великого перелома" (1928/29 г.).

В нашем распоряжении имеются данные об изменениях номинальной зарплаты рабочих-текстильщиков Москвы, полученные из архивные материалов Центрального муниципального архива Москвы (ЦМАМ), в основном, материалы Московского статистического отдела экономико-статистического сектора Московской областной плановой комиссии (ЦМАМ, Ф. Р-126). Работа с этими данными, содержащими ежемесячные сводные таблицы о численности и зарплате рабочих и служащих текстильной промышленности Москвы в годы нэпа¹¹, дала нам возможность построить динамические ряды уровней зарплаты за каждый месяц рассматриваемого периода отдельно для рабочих-текстильщиков, служащих и младшего обслуживающего персонала (МОП), с учетом подотраслей текстильной промышленности (хлопок, шерсть, шелк)¹².

Обработка составленных нами динамических рядов *номинальной зарплаты* позволила исследовать целый ряд вопросов. Прежде всего следует отметить, что динамика номинальной зарплаты для всех указанных категорий трудящихся была положительной. Важным был и вопрос о соотношении зарплаты рабочих и служащих в текстильной промышленности. Вопреки имеющимся стереотипам о приоритетах социальной политики 1920-х гг., выяснилось, что средняя зарплата рабочих примерно вдвое уступала средней зарплате служащих.

Располагая ежемесячными данными по динамике заработной платы рабочих, служащих и МОП, мы построили линейные тренды для соответствующих временных рядов по каждой из трех подотраслей текстильной промышленности (хлопок, шерсть, шелк) за 1926–1930 годы. Вычисления показали, что в двух подотраслях (хлопок и шерсть) темп роста номинальной зарплаты служащих опережал темп роста зарплаты рабочих. В то же время темп роста номинальной заработной платы рабочих по разным отраслям текстильной промышленности был практически одинаков: в производстве хлопчатобумажной продукции – 41 коп./мес., шерсти – 42 коп./мес., шелка – 39 коп./мес.¹³

Для оценки изменений реальной зарплаты необходимо иметь сведения о динамике инфляции, измеряемой как индекс розничных цен (с учетом стоимости «корзины» товаров фиксированного набора). Приняв стоимость этой «корзины» в базовом году за 100, можно получить значение индекса цен в каждом последующем году. Так, если стоимость «корзины» в каком-то году выросла на 50% (по сравнению с базовым годом), то индекс цен в этом году равен 150. Для определения величины реальной зарплаты надо поделить значение номинальной зарплаты на значение индекса цен и умножить полученное число на 100.

Таблица содержит ежеквартальные данные о динамике средней номинальной зарплаты московских рабочих трех подотраслей текстильной промышленности (столбцы 1–4) и динамике индексов цен: индекса обобществленной торговли (6-й столбец), индекса частной и базарной торговли (7-й столбец) и сводного (взвешенного) индекса цен (5-й столбец). Индексы цен подсчитывались Конъюнктурным институтом, в качестве базового года использовался 1913 год. Данные 7-го столбца отражают процесс резкого возрастания цен на "вольном" крестьянском рынке (как отмечает Р.А. Белоусов, уже весной 1928 г. на этом рынке появились "первые признаки приближающейся бури"¹⁴). Хлеб, а затем и другие продукты питания можно было купить по низким карточным (пайковым) ценам, но отоварить карточки удавалось не всегда (да и набор нормируемых продуктов был ограниченным), поэтому приходилось обращаться в частную, базарную торговлю, где цены на те же продукты были выше в "разы" (см. рис. 2–3).

Как следует из данных таблицы, номинальная зарплата рабочих-текстильщиков Москвы на предприятиях по производству хлопчатобумажных тканей, шерсти и шелка возрастала, хотя и не очень существенно – за период с сентября 1927 г. по декабрь 1930 г. ее рост составил соответственно 19,3%, 23,5% и 18,9%. Динамика этого роста отражается на графиках рисунка 1.

Однако в условиях растущего товарного дефицита и связанной с ним инфляции вопрос об изменениях уровня жизни рабочих требует оценки динамики *реальной зарплаты*. Ее значения представлены в столбцах 8–10 таблицы и на графиках рисунка 4. Вычисления реальной зарплаты показывают, что в 1929 г. начинается ее падение: весной на предприятиях по производству

хлопчатобумажных тканей и шерсти, осенью – шелка. Данные столбцов 8–10 таблицы свидетельствуют о том, что падение реальной зарплаты рабочих с осени 1927 г. до конца 1930 г. составило 24,2%, 21,6% и 24,5% по соответствующим отраслям текстильной промышленности Москвы. "Великий перелом" привел к понижению уровня жизни рабочих-текстильщиков, достигнутого ими за годы нэпа. Боясь потерять поддержку рабочих, власть ввела в начале 1931 г. всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары, установив приоритетное обеспечение для промышленных рабочих.

Таблица

Динамика средней зарплаты рабочих текстильной промышленности Москвы и индексов розничных цен, 1927–1930 гг. (цены 1913 г. = 100)

Месяц, год	Номинальная зарплата по подотраслям, руб./мес.			Индекс цен			Реальная зарплата по подотраслям, руб./мес.		
	Хлопчатобумажная	Шерсть	Шелк	сводный (взвешенный)	обобществленной торговли	частной и базарной торговли	Хлопчатобумажная	Шерсть	Шелк
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сентябрь 1927 г.	62,53	63,54	67,8	193	183	226	32,40	32,92	35,13
Декабрь 1927 г.	61,87	63,31	64,28	195	183	234	31,73	32,47	32,96
Март 1928 г.	60,1	60,08	63,29	195	185	239	30,82	30,81	32,46
Июнь 1928 г.	61,28	62,23	65,56	200	185	264	30,64	31,12	32,78
Сентябрь 1928 г.	66,88	68,98	72,36	199	185	263	33,61	34,66	36,36
Декабрь 1928 г.	66,77	68,61	69,7	203	189	273	32,89	33,80	34,33
Март 1929 г.	68,98	71,6	74,96	210	202	374	32,85	34,10	35,70
Июнь 1929 г.	69,32	69,88	79,99	217	203	424	31,94	32,20	36,86
Сентябрь 1929 г.	68,32	70,75	79,29	219	204	406	31,20	32,31	36,21
Декабрь 1929 г.	66,37	69,56	69,68	224	208	477	29,63	31,05	31,11
Март 1930 г.	68,32	74,48	76,57	239	204	618	28,59	31,16	32,04
Июнь 1930 г.	70,18	72,86	78,93	269	203	901	26,09	27,09	29,34
Сентябрь 1930 г.	76,09	75,02	83,24	292	204	1139	26,06	25,69	28,51
Декабрь 1930 г.	74,64	78,47	80,63	304	206	1263	24,55	25,81	26,52

Примечание. 1) *По номинальной зарплате:* ЦМAM. Ф. Р-126. Московский статистический отдел экономико-статистического сектора Московской областной плановой комиссии. Оп. 14. Д. 4, 5–7.

2) *По индексам цен:* Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 235. Данные об индексах цен собраны Ю.П. Бокаревым по материалам Бюллетеня Конъюнктурного института: 1929, №5–6, с. 28; №7, с. 32, №8, с. 27; №9, с. 30, а также по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 5446. Д. 773. Л. 2–3; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 9. Д. 102. Л. 84–86.

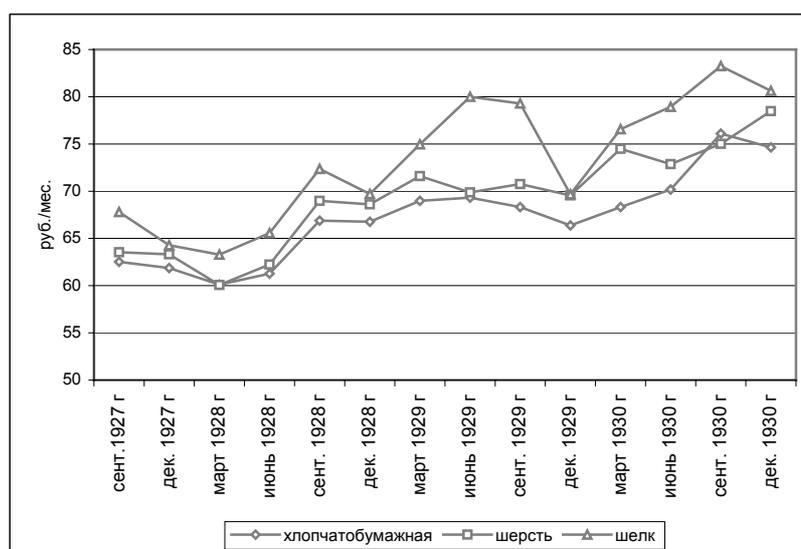

Рис. 1. Динамика номинальной зарплаты рабочих московской текстильной промышленности, 1927–1930 гг.

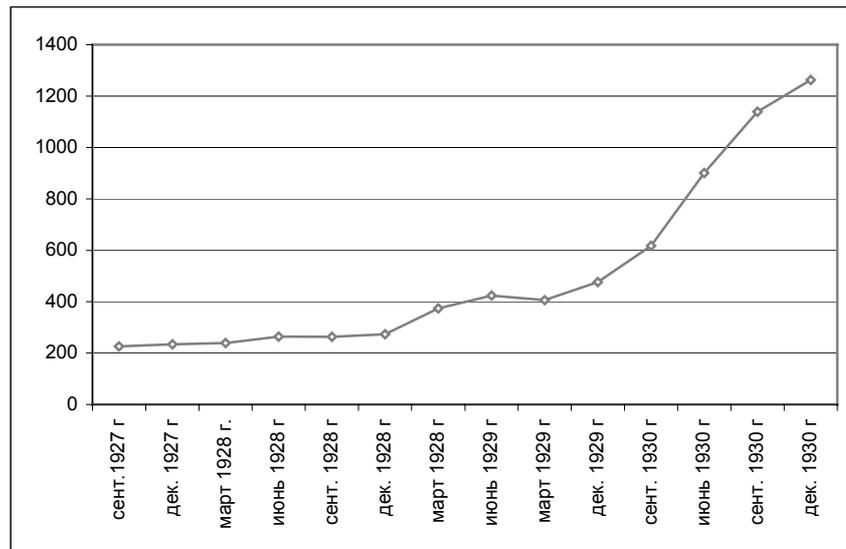

Рис. 2. Индекс розничных цен: частная и базарная торговля (цены 1913 . = 100)

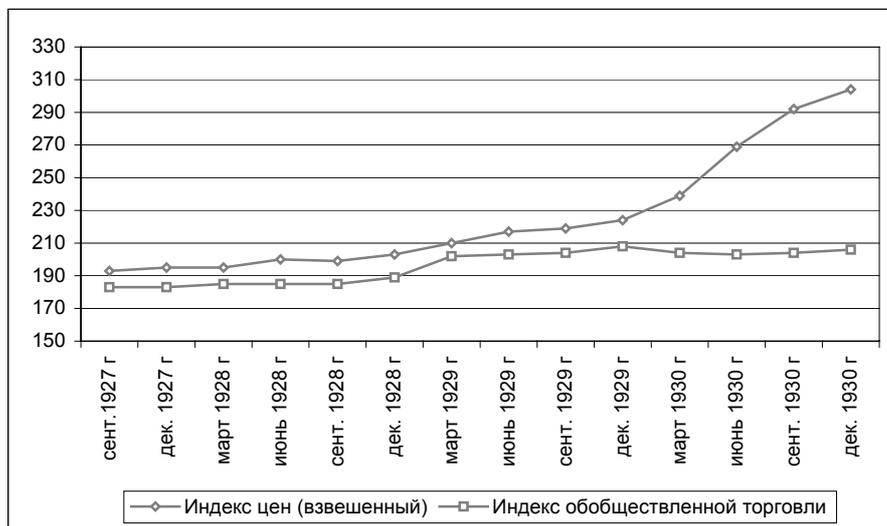

Рис. 3. Индексы розничных цен: индекс общественной торговли и взвешенный индекс, 1927-1930 гг. (цены 1913 г. = 100)

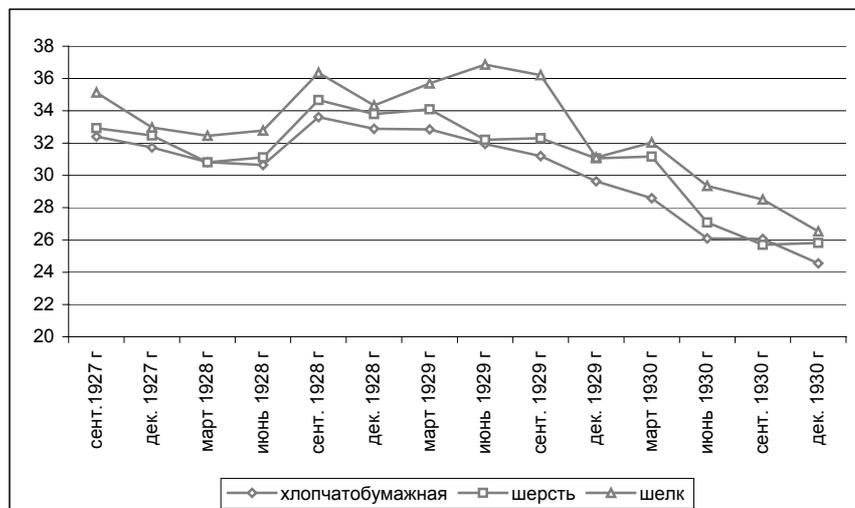

Рис. 4. Динамика реальной зарплаты рабочих московской текстильной промышленности, 1927-1930 гг. (цены 1913 г. = 100)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998. С. 59.
- ² Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24 – 1928/29 гг. М., 1930. С. 126.
- ³ Голанд Ю.М. Указ. соч. С. 61-62.
- ⁴ Там же. С. 68.
- ⁵ Русский рубль. Два века истории. XIX-XX вв. М., 1994. С. 234-235.
- ⁶ Там же. С. 235.
- ⁷ Подробнее об этом см.: Осокина Е.А. За фасадом "сталинского изобилия": Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 73-75.
- ⁸ Там же. С. 78.
- ⁹ Ревзин Ф. Политика заработной платы коллективных договоров. М., 1927. С. 51.
- ¹⁰ Шофман Ф. Коллективные договоры в 1923 году // Труд в СССР. М., ВЦСПС, 1924. С. 77.
- ¹¹ Текстильная промышленность Москвы, в которой доминировали крупные и более передовые в техническом отношении предприятия, была первой в столице отраслью по числу занятых рабочих. Москва в 1920-е гг. была одним из основных центров текстильной промышленности страны.
- ¹² Borodkin L., Safonova E. Material work incentives in Moscow textile industry during the NEP period: from payments in kind to differentiation of wages // Problems of Economic History: Man and Society in International Economy. Ed. by M. Bibikov. Moscow, 2002; Сафонова Е.И. Московские текстильщики в годы нэпа: квалификация и дифференциация в оплате труда // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Книга III. М., 2002. С. 288.